

Т.Ф. Алексушина

«НЕИЗВЕСТНЫЙ РАБОТНИК ЧЕРНОЙ РАБОТЫ»

Яковлев Федор Тимофеевич
(1875–1933)

Федор Тимофеевич Яковлев

Во Самаре, пожалуй, найдется не так много краеведов, кому не было бы известно имя Федора Тимофеевича Яковлева. И тот факт, что до сих пор не изучена жизнь и деятельность этого подвижника, человека, по-настоящему преданного музейному и архивному делу, и не опубликована его биография, вызывает некоторое удивление. Объяснить это можно только тем, что сведения о самом Федоре Тимофеевиче и его семье отрывочны и скудны. И хотя потомки Яковлева по-прежнему живут в нашем городе и в той же квартире, где жил он сам, его биографию даже при их помощи восстановить сложно: после смерти Федора Тимофеевича вдова по требованию властей сдала все его документы. В семье остались только фотографии. В архиве Самарской области не удалось найти не только формулярного списка, но вообще никаких других сведений о работе Яковлева на Самаро-Златоустовской железной дороге. Со слов внучки, Музы Борисовны Яковлевой, и собственноручных записей Федора Тимофеевича мы сделаем первую попытку реконструировать его биографию.

ПСКОВ. ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Родился Федор Тимофеевич в 1875 г. в городе Пскове, в семье железнодорожного служащего Тимофея Яковлевича Яковлева¹. Получить он смог лишь начальное образование. Обладая красивым почерком, Федор уже подростком начал служить в конторе при железной дороге переписчиком. Затем по стопам отца сам стал железнодорожным служащим, хотя склонности к этой профессии никогда не испытывал: Федор Тимофеевич всю жизнь любил всякие древности, искусство, книги, цветы и детей. Заниматься «археологией, историей и этнографией, а также собиранием различного рода коллекций древностей»² он, по собственному признанию, начал в раннем детстве, чутьли не с 9 лет, что неудивительно для древнего Пскова, где буквально каждый камень дышит историей.

Женился Ф. Т. Яковлев молодым: ему едва исполнился 21 год. Его невеста Маша, худенькая девушка с пышными волосами, родилась и выросла в Санкт-Петербурге в рабочей семье. Отец был слесарем высшей квалификации и работал на одном из столичных заводов, но рано умер от туберкулеза. Семья, в которой кроме нее было еще трое детей (2 девочки и мальчик), осталась без всяких средств к существованию. Поэтому старшую девочку, едва научившуюся читать и писать, мать устроила горничной к балерине Предтеченской, которая часто бывала на гастролях и всегда брала Марию с собой. Девушка много читала, и постепенно такое самообразование сформировало ее как интересную личность. Позже Мария Федоровна рассказывала внучке, что «когда она попала на прием к Крупской, та спросила ее, что она окончила и очень удивилась, когда узнала, что только 6 классов церковно-приходской школы»³.

Мария Федоровна Яковлева

В семье Яковлевых появилось трое детей-погодков: Владимир, Евгений и Борис. Из Пскова Федор Тимофеевич вскоре перевелся на работу в Варшаву.

ВАРШАВА-МИЛОСТНА-САМАРА

В семейном архиве Яковлевых сохранилась фотография, сделанная, вероятно, в Польше. На ней еще совсем молодые Федор Тимофеевич и Мария Федоровна с тремя маленькими детьми, одетыми в костюмы необычного покроя и круглые черные шляпы, позируют на фоне дощатой стены, напоминающей вагон. Там же, в Варшаве, дети начали учиться. Особенно талантливым в учебе оказался младший сын - Борис.

Из Варшавы они всей семьей переехали на маленькую железнодорожную польскую станцию Милостна⁴, начальником которой был назначен Федор Тимофеевич. С этой станции и состоялся переезд в Самару, которая для семьи Яковлевых стала родным городом совершенно случайно. Здесь Яковлев получил должность запасного агента I отдела службы движения Самаро-Златоустовской железной дороги, которую занимал вплоть до 1917 г. Сначала Яковлеву предложили на выбор города Самару и Пензу. По легенде, сохранившейся в семье, якобы сослуживцы посоветовали выбрать Самару: «Федор Тимофеевич, поезжайте в Самару, там Волга, там судаки, там такая рыба!» Мария Федоровна, напротив, очень хотела, чтобы

он попросил о переводе в Санкт-Петербург, но муж на сей раз был непреклонен: «Что я там буду делать? Очень сложно получить в Петербурге хорошую должность». Так семья Яковлевых в 1909-10 гг. оказалась в Самаре.

Следует отметить, что Федору Тимофеевичу свойственны некото-

Семья Яковлевых в Польше (?)

рое пренебрежение и неточности в датах, которым он, видимо, не придавал особого значения. Так, например, в своем «Заявлении» на прием в члены Архивной Комиссии, датированном 30 декабря 1914 г., он написал следующее: «проживая в Самаре более пяти лет»⁵. Из этого следует, что переезд состоялся не позднее 1909 г. Но в 1921 г. в протоколе допроса Яковлева по поводу действий «музейной тройки» написана другая дата приезда: «по музейному делу я работаю 30 лет, в Самару прибыл в 1910 г., и с 1911 г. стал посещать Музей, интересовался его работой и существованием, пополнял его путем пожертвований всяческими экспонатами, имевшими местное (Самарское) значение»⁶.

Первое впечатление от Самары у Марии Федоровны было ошеломляющим: «Когда мы приехали в Самару, я вышла на площадь, <на ней> огромная лужа и какое-то животное ходит. Я была в таком ужасе: «Федя, в какую деревню мы с тобой заехали?» Он говорит: «Что ты, это город, это город». Какой это город!» - часто с горечью говорила она своей крестнице-внучке. Действительно, на привокзальную площадь жители соседних домов выпускали скот, поэтому она с большой невысыхающей лужей выглядела, наверное, удручающе. Мария Федоровна так до конца жизни и не смогла привыкнуть к Самаре. Все ее родственники, жившие в Санкт-Петербурге, приезжая в гости, каждый раз уговаривали уехать из «дикий» Самары. Но, тем не менее, она прожила здесь больше 40 лет.

Поселились Яковлевы сначала на улице Ильинской (Арцыбушевской), в крайнем длинном доме №96. Должность запасного агента, очевидно, давала семье приличное материальное обеспечение, и Мария

Федоровна могла позволить себе даже некоторую роскошь: в их доме постоянно жили кухарка и няня. Дети росли, учились.

Старший - Владимир, родившийся в 1897 г., стал профессиональным военным: в 1917 г. он был штаб-ротмистром 4-го Неманского Пограничного полка. Осенью 1918 г. уехал из Самары сначала в Сибирь, где служил у Колчака, потом бежал за границу, в Харбин. Муза Борисовна утверждает, что он не хотел уезжать из Самары, пытался даже спрятаться: «бабушка рассказывала, что за ним пришли и спрашивают: «Где Яковлев?». Я сказала, что его нет дома. А он в темной комнате спрятался. Два солдата прошли по дому, и нашли его». Его дальнейшая судьба долгое время была неизвестна родителям. Только однажды, в конце 1920-х гг. они получили весточку от Владимира Федоровича - он с кем-то из самарцев сумел передать письмо. Уже подростком внучке Мария Федоровна пересказывала сообщение от Владимира, что он обосновался в небольшом китайском городке и открыл маленький ресторан. Там же, в Китае, он женился. Жену звали Вера, а родившуюся дочь называли Лида. Больше вестей от него не было. Мария Федоровна часто плакала, вспоминая о старшем сыне.

Из троих детей Яковлевых только дочь Евгения, внешне очень привлекательная и похожая на мать, прожила большую жизнь - 85 лет. Училась в I женской гимназии, имела, видимо, склонность к рисованию. Едва окончив учебу, стала женой Киприана Семеновича, белоруса⁷. Овдовев, вторым браком вышла замуж за Ивана Севастьяновича Воробьева, с которым уехала в Ленинград, где и прожила вплоть до 1983 г. Оба мужа, как и ее отец, были железнодорожными служащими.

Младший, Борис (род. в 1899 г.), окончив в Москве Духовную семинарию, полгода отслужил в церкви на Ильинке. У него был приятный голос, он умел играть на нескольких музыкальных инструментах, из которых больше всего любил мандолину. В 1917 г. при Самарском клубе железнодорожников известный впоследствии музыкант и педагог Александр Иванович Алло создал свой самостоятельный джаз-оркестр⁸. В составе этого оркестра в городе и на разных станциях Самарской железной дороги выступал и Борис Яковлев. С середины 1930-х гг. этот оркестр, существовавший при клубе им. Революции 1905 г., Алло превратил в модный джаз-банджо, игравший в стиле кантри⁹.

В гражданскую войну оба сына Ф. Т. Яковлева воевали на стороне белых. Во всяком случае, в 1920 г. Федор Яковлев писал в Иркутск К. П. Головкину: «Жена моя страдает малярией, а о любимых детях мне ничего неизвестно и по всей вероятности, они убиты в бою»¹⁰. Но Борис вернулся в Самару, в 1925 г. женился и работал бухгалтером на фабрике-кухне. Умер он в 1932 г. от скоротечной чахотки, на год раньше отца. Его молодая жена, Валентина Максимовна Шульц, оста-

лась вдовой с 6-тилетней дочерью Музой на руках. Но вскоре, по совету свекрови, она снова вышла замуж.

ЛЮБИТЕЛИ СТАРИНЫ

В Самаре Яковлев довольно быстро нашел единомышленников - любителей старины: К.П. Головкина, М.М. Извозчикова¹¹, А.Г. Елшина, П.А. Преображенского. К этому времени Федор Тимофеевич уже являлся действительным членом Псковского археологического общества, сотрудником общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете и членом Новгородского общества любителей древностей.

В Самарском крае, по мнению члена Саратовской архивной комиссии Б.В. Зайковского, памятники старины охранялись слабо¹². Поэтому в 1913 г. на страницах газеты «Волжское слово» впервые был поднят вопрос о создании Самарского археологического общества. Инициатором выступил археолог-любитель Ф.Т. Яковлев. Им же был разработан проект Устава археологического общества, подписанный депутатом городской думы Н.А. Гладышем и присяжным поверенным Самарского окружного суда А.Г. Елшиным. Но губернские власти, ссылаясь на принятое ранее решение о создании Самарской ученой архивной комиссии, отклонили просьбу о создании археологического общества. И только 7 мая 1916 г., после того, как Ф.Т. Яковлев обжаловал решение городской думы в Правительствующем сенате, было создано Самарское археологическое общество.

В 1914 г. в Самаре была создана ученая архивная Комиссия под председательством С.А. Хованского. Ф.Т. Яковлев сразу же подал «Заявление» о приеме в члены Комиссии. Как он пишет, за несколько лет, прожитых в Самаре, он сумел во время летних археологических экскурсий «ознакомиться с некоторыми местностями Самарского края и лично убедиться, что многие редкие древние предметы, случайно находимые крестьянами на распаханных курганах во время полевых работ бесследно пропадают, т.к. находчики редкостей, будучи незнакомы с этими предметами, умышленно их уничтожают или бросают»¹³. В связи с этим он предложил напечатать «воззвание» для сельских священников и учителей, чтобы все находки доставлялись в архивную Комиссию. Кроме того, учителя и священники должны, по его мнению, *«ознакомить крестьянское население с значением редких предметов посредством печатных брошюр с подходящими рисунками древних предметов»*¹⁴.

Придавая большое значение собиранию старинных народных песен, сказок, духовных стихов, заговоров, причитаний, свадебных и похоронных обрядов, а также песен всякого рода, написал о необходимости

писать все подробно, указывая, от кого именно и в каком населенном пункте «заимствовано сообщаемое произведение».

Прожив в Самаре около 5 лет, Яковлев, по его словам, имел «уже собранный запас материалов к описанию Самарского края»¹⁵. Из них более 2-х лет ушло на соби́рание книг и брошюр, напечатанных в Самаре. Редким экземпляром был обнаруженный им сборник стихов народного поэта А. Слюзова (издания 1884 г.).

Ф.Т. Яковлев оставляет впечатление подвижного и очень деятельного человека. Его интересует буквально все: археология, нумизматика, самарская старина, люди. В письме от 10 сентября 1914 г., адресованном князю С.А. Хованскому, он, например, высказал озабоченность плачевным состоянием заброшенной могилы известного литератора и этнографа Павла Ивановича Якушкина¹⁶. На ней «не только не имеется креста с надписью, но убогая могила его представляет из себя небольшой бугорок земли, обросший в некоторых местах травой»¹⁷. Якушкин, сосланный на Нижнюю Волгу, в сентябре 1871 г. переехал в Бузулук. Умер от тифа в январе 1872 г. в Самаре на руках врача и своего друга Вениамина Осиповича Португалова. Был похоронен на Всесвятском кладбище на деньги, собранные по подписке самарской интеллигенцией. В письме Яковлев выразил готовность взяться за сбор пожертвований на установку памятника на могиле П.И. Якушкина - большого ученого, записавшего много старинных былин и песен и, по выражению Федора Тимофеевича, «добротного труженика».

Став действительным членом ученой архивной комиссии, Ф.Т. Яковлев принял самое деятельное участие в ее работе. Достаточно сказать, что почти все сохранившиеся документы комиссии написаны его удочитаемым «писарским» почерком.

Не менее активное участие он принял и в деятельности Самарского археологического общества (САО), созданного по его инициативе на основе музейного кружка «любителей старины». Председателем САО был выбран А.Г. Елшин, его заместителем (товарищем) П.А. Преображенский, секретарем Ф.Т. Яковлев, членами общества были К.П. Головкин (казначей), князь С.А. Хованский, П.Н. Ефимов и др. По случаю открытия общества его члены - Хованский, Преображенский, Елшин, Головкин, Яковлев и Бернер - сфотографировались на память. Численность САО в 1916 г. достигла 27 человек.

По сути, цели архивной комиссии и САО были идентичны: археологическое, историческое и этнографическое исследование Самарского края, охрана памятников истории и ознакомление с ними населения. Итогом этой деятельности должно было стать, кроме исследования Самарского края, еще и пополнение музейных коллекций для последующей популяризации археологических знаний.

В архиве К.П. Головкина сохранилось адресованное ему письмо Яковлева. Оно датировано февралем 1917 г., когда музей возглавлял А.А. Смирнов, а С.Е. Пермяков, очевидно, часто бывал там и помогал советами. В письме недвусмысленно звучит обида на обоих: очевидно, они никогда не воспринимали Яковлева как человека, способного быть серьезным и глубоким исследователем:

«Глубокоуважаемый Константин Павлович!

Посылаю при сем список монет, я должен сказать, что остальные не протаксированные карандашом монеты настолько редки, что у Петрова и Белина, а также в аукционном каталоге Копылова не значатся и потому остались не доконченными в протаксировании.

Завтра я буду у Вас днем и мы поговорим о том предмете, который будет в музее, так как очень интересуюсь.

Вещи я еще не все записал и как запишу, то принесу сам.

Это время я был усиленно занят собиранием материалов и никуда не выходил. О музейных неприятностях не знаю ничего, ибо и хорошо, что я всегда старался во времени разрешения этого вопроса в окончательном смысле не заходить туда, т. к. я даже от Пермякова не имел письма. Вы там и А.Г. Елшин были приглашены, а я пока только в глазах Пермякова и Смирнова неизвестный работник черной работы.

Уваж. Вася Яковлев.

9 / II — 1917 г.

*На обороте: Его Высокоблагородию Константину Павловичу г-ну Головкину»*¹⁸.

ЯКОВЛЕВ-КОЛЛЕКЦИОНЕР

Начав с детства коллекционировать произведения старины, Ф.Т. Яковлев так и не стал настоящим профессионалом - очевидно, не хватало образования. Собирательство носило у него бессистемный характер, свойственный всем любителям. Яковлева интересовало абсолютно все - и это отрицательно сказывалось на качестве коллекций. В 1918 г. он передал в Самарский музей следующие экспонаты: «Один патрон и одна пуля стреляная и один утлый патрон, найденный в дни первой революции в Петрограде у Балтийского вокзала»¹⁹, искренне считая, что они представляют огромную историческую ценность.

В их небольшой квартире, наряду с действительно интересными книгами, иконами, монетами, «складировалась» уйма малоинтересных предметов старины - несистематизированные археологические находки, весьма распространенное медное литье, в том числе многочисленные нательные крестики, живопись, в которой Федор Тимофеевич почти не разбирался (чаще всего это были репродукции с картин), и многое другое. Внучка вспоминает: «Дедушка от зарплаты приносил половину: получит деньги и говорит бабушке: «Машенька, не обижайся, купил книгу - редкостная, очень редкостная. Понимаешь, мне она просто необходима!». Одно время у него на квартире собирались

любители-филателисты: Яковлев сильно увлекся собиранием марок и состоял в филателистическом обществе.

В 1916 г. Федор Тимофеевич, решив избавиться от накопленных реликвий, стал рассылать письма с предложением в дар своих материалов, соответствовавшие по тематике той или иной губернии, архивным Комиссиям, археологическим обществам и ученым разных городов: Калуги, Рязани, Саратова, Чернигова, Нижнего Новгорода, Тулы, Тобольска, Екатеринослава, Симферополя (Таврической ученой архивной Комиссии), Вятки, Тамбова, Каменец-Подольска, Омска, Смоленска, Архангельска, Пензы, Ростова, Витебска²⁰. После полученных отказов он все свои 10 коллекций (1746 наименований) передал в Самарский городской публичный музей, когда возглавлял его.

Частичные сведения об их составе мы можем почерпнуть из Книги поступлений (КП) за 1917-1918 гг., в которую он тщательно записывал все, что принимал в музей и которая сохранилась в архиве Самарского художественного музея. Это вторая книга (первая, судя по всему, не сохранилась). Она начинается со слов: «Список старинных и редких предметов, отысканных и доставленных Самарскому Городскому музею действительным членом Самарского Археологического Общества иеодором Тимофеевичем Яковлевым. Коллекция восьмая». Выборочное перечисление предметов из нее достаточно красноречиво свидетельствует о разбросе его интересов:

1001. Старинн. бухарск. сосуд с орнаментом из красн. меди и крытый цинком. 3 р. 25 к.

1033. Старинн. редк. больш. крест с белой и синей эмалью и молитвою на обор. 10 р.

1044. Серебр. наплечн. значок в пам. свящ. коронования имп. Николая II. 1 р. 30 к.

1050. 18 фотографий с видами Самары и др. 2 р.

1052. Альбом гл. деятелей освобождения крестьян 1903 г.

1053. Альбом гл. деятелей судебной реформы 1904 г.

1054. Альбом «Люди смутного времени губернии». 1905 г. За 3 альбома 4 р.

1055. Лубочная картинка «иома Музыкант и Ерёма Поплюхай». 2 р.

1056. Польский древний грош эпохи крестоносцев 1 р.

1068. Старинная пряничная доска (формочка) из г. Острова, Псковской губ. 1 р. 48 к.

1101. Серебряная копейка Михаила Федоровича 60 к.

1104. Старинный каноник в кожаном перелете с золотым тиснением. 1819 г. 2 р.

1120. Медаль в память 250-летия Судебного Устава 50 к.

1124. 60 видов Самары (фотографии) 20 р.

1142. Кипа разных журналов, издававшихся в Самаре до 1914 г. 2 р.

1143. Кокошник старинный, шитый золотом и украшенный камнями

1144. Шелковый старинный платок, затканый серебром

1145. Тканая золотая материя (парча) всего за №№ 1143-1145 26 р.

В этой же описи перечислены и другие редкости, например: древнетатарские монеты, серебряный жетон в память 300-летия дома Романовых, 18 фотографий с видами Самары, планы поволжских городов (изд. Монастырского), картина (репродукция) «Продажа крестьян с аукциона», фотографии 250-лет. г. Симбирска и т.д.

9-я коллекция (№№ 1201-1400), записанная в конце 1917 г., почти полностью состояла из «деревянных и медных образков». Что находилось в предыдущих 7 коллекциях, можно только гадать. Но, учитывая склонность Федора Тимофеевича к старопечатным книгам, медному литью и археологии, нетрудно предположить, что в основном коллекции и содержали эти материалы.

Из поступивших от него материалов в настоящее время удалось выявить ничтожно малое количество. Дело в том, что иконы и старопечатные книги были сожжены в середине 1930-х гг. во время активной борьбы с «опиумом для народа» - религией. Медное литье тогда же было сдано в виде металлолома на переплавку. Но, возможно, еще большое количество экспонатов и в художественном, и в краеведческом музеях Самары хранится анонимно, так как их невозможно вычлениить и приписать конкретно к его коллекциям по причине «неузнаваемости» - он, как известно, очень приблизительно вел записи и не проставлял на вещах инвентарные номера. Только немногие редкие экспонаты мы безошибочно можем отнести к коллекции Яковлева.

Так, например, от него поступил рисунок неизвестного самарского художника, изобразившего часть Дворянской (Куйбышева) улицы с лютеранской кирхой Св. Георга. В 1918 г. Федор Тимофеевич собственной рукой сделал запись: «№ 1640. Вид, исполненный карандашом «Старая Самара». Дворянская улица — 10 руб.»²¹. Любительский рисунок выполнен, очевидно, с крыши одноэтажного дома и представляет несомненный исторический интерес так же, как и его оборотная сторона, на которой Яковлев пером и тушью схематично повторил рисунок домов и указал их владельцев. Им написана даже предположительная дата исполнения рисунка: 1870-1875 гг.

Через год, 20 октября 1919 г. от него же поступила небольшая картина неизвестного художника, написанная на картоне - «Грибы»²².

Вотделе редких книг Самарской областной библиотеки хранятся две книги, подаренные музею Ф.Т.Яковлевым. Первая - издания 1784 г., под названием «Валка Каменное царство», поступила 20 августа 1912 г. от «действительного члена Псковского археологического общества Ф. Яковлева «В даръ Самарскому музею Императора Александра II»²³. Перевел ее Андрей Нартов²⁴, а посвящена книга императрице Екатерине Алексеевне. Многочисленные таблицы содержат

ниже: «Дарю настоящую книгу Самарскому Губернскому музею на воспоминание пребывания в Самаре Профессора Универс.Владимира Николаевича Перетца.- 26 октября 1919 г.- Ф.Яковлев».

Книга подарена в память о В.Н. Перетце не случайно - начиная с 1917 г., они вместе работали сначала в комиссии при музее, а в 1918 г. - и в подотделе охраны культурных ценностей. Яковлев, как, впрочем, и все, кто знал Перетца, относился к нему лично и к его знаниям в области древнерусского искусства и старославянской письменности с большим пиететом.

ЗАВЕДУЮЩИЙ АЛЕКСАНДРОВСКИМ МУЗЕЕМ

Сразу же после октябрьских событий 1917 г. от заведования музеем был отстранен А.А. Смирнов - большевики, пришедшие к власти, по

рисунки разных окаменелостей: семян, растений, раковин, кораллов, морских ежей, раков, морских звезд.

Вторая - «Литургия Иоанна Златоуста на крюковых нотах», исполненная поморским полууставом и датируемая XIX-нач.XX вв.²⁵. Заголовки и инициалы кинноварные. Переплет - доска в красном сафьяне с густым тиснением.

Обычно Федор Тимофеевич все свои находки и покупки снабжал пространными надписями с максимальной информацией о предмете. Подаренная Яковлевым книга тоже имеет две надписи. Первая, на титульном листе, сверху: «Сию книгу купить в Обшаровке у Н. Ильиной и уплатить за нее 2 рубля. 18 Июля 1912 года. Ф. Яковлев». И

вполне понятной причине не могли оставить бывшего адвоката на этом посту, хотя он и проработал на нем почти 21 год²⁶. Вместо него был назначен Ф.Т. Яковлев, который устраивал новую власть прежде всего своим пролетарским происхождением. Как ни странно, но в Самаре на тот момент, пожалуй, и в самом деле не осталось ни одной реальной фигуры на этот пост, кроме Яковлева - все были либо в эмиграции, либо в тюрьме. А Федор Тимофеевич с 1915 г. избирался секретарем Комитета по заведованию Александровским публичным музеем, знал о музейной жизни отнюдь не понаслышке, хотя по-настоящему технике ведения музейных документов так и не обучился - порядок в документации чуть позже, в 1920-е гг. будет наводить уже В.В. Гольмстен. Еще он был незаменим в момент спасения художественных ценностей от варварского разграбления, потому что с самых первых лет жизни в Самаре был в курсе всего, что происходило на антикварном рынке, и знал имена практически всех местных коллекционеров.

В 1919 г. Яковлев вспоминал это время: «Вступив в заведование Самарским музеем с 1 октября 1917 года, я занят был свозкой со всех мест других ценных архивов и библиотек. В октябре 1918 г. в музей стали обильно поступать предметы из Подъотдела Охраны культурных ценностей...»²⁷. За один только 1917 г., как известно из отчета, в музей поступило рекордное количество экспонатов - 2567: в том числе в дар от 72-х лиц - 900 предметов; от 13 учреждений - 128; приобретено музеем - 539. И в художественный отдел поступило 340 экспонатов. Такое количество самых разных вещей: архивов, сданных на временное хранение частных коллекций, библиотек - небольшие помещения музея вместили с трудом, и в марте 1918 гон закрылся для посетителей.

Обработку поступающих экспонатов фактически приходилось делать самому Яковлеву. Он вручную записывал все поступления в акты и инвентарные книги, т.к. в музее не было даже машинистки. Но Федор Тимофеевич никогда не жаловался на трудности, напротив, был очень бодр и энергичен. Получал он за этот тяжелый труд очень небольшой оклад: от 125 р. в январе до 550 р. в декабре 1918 г.²⁸. Учитывая рост инфляции, с небольшим опозданием платили еще компенсацию.

Яковлев возглавлял музей 2 неполных года - с октября 1917 до начала июля 1919 гг. Коллектив музея в 1918 г. состоял всего из 5 человек: главной помощницей Федора Тимофеевича весь год была Пыркова Мария, а с 15 октября 1918 г. был принят на работу еще один сотрудник - Шумский Иван. Музейные ценности охраняли 2 сторожа: Савин Филипп Михайлович и Лычев Иван Тимофеевич. Работать даже с двумя научными сотрудниками было невозможно, поэтому в январе 1919 г. на должности «наблюдателей по систематизации и формированию художественного отдела» городского музея были приняты художники М.И. Степанов и В.А. Егоров. В марте 1919 г. музей сменил статус - стал называться не городским, а губернским. Тогда же, 15 марта, В.А. Егорова утвердили в должности второго помощника заведующего музе-

ем. Что важно, оба художника не подлежали призыву в Красную Армию, так как Егоров имел физический недостаток - был хромой, а Степанов был освобожден от воинской повинности по статье 24, как преподаватель - он вел отделение рисунка и живописи в культурно-просветительской Ассоциации при Самарском гос. университете.

«Заведывающий» Яковлев отнюдь не был самостоятелен в своей деятельности: фактическое руководство было возложено на Комитет по управлению музеем, состоявший из членов Археологического Общества и Ученой Архивной комиссии. В 1918 г. в состав Комитета дополнительно вошли преподаватели Самарского государственного университета: профессор А.В.Багрий, Е.И.Тарасов, А.В.Колышкин, П.П.Фридолин, А.С.Башкиров и другие. Место председателя Комитета по очереди занимали академик Владимир Николаевич Перетц (1918 г.) и профессор русской истории Ефим Иванович Тарасов (1919 г.).

Проработал на этом посту Ф.Т. Яковлев лишь до 3 июля 1919 г., когда его внезапно - по приказу губоно - сменил новый заведующий С.И. Гинзбург. Позднее, 20 сентября 1919 г., была объявлена ревизия музейных коллекций, и всех сотрудников музея отстранили от работы, а некоторых, в том числе и Яковлева, арестовали, но вскоре освободили.

Семья Яковлевых во время его «директорства» жила в квартире при музее. Внучка со слов бабушки рассказывает: «Вдруг приходят, а вид у него был интеллигентный, он ходил в котелке, и ему говорят: «Ты, буржуй, выматывай отсюда. Тебе тут нечего делать». И с 1920 г. семья Яковлевых уже постоянно проживала в небольшой тесной квартире, расположенной на втором этаже деревянного дома на улице Уральской (Братьев Коростелевых), 117.

ПОДОТДЕЛ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Одновременно с работой в музее Федор Тимофеевич активно проявил себя в подотделе охраны культурных ценностей (ПОКЦ), созданном при губернском отделе народного образования (губоно) в первые дни восстановления советской власти в Самаре. Как известно, остатки чехословаков были выбиты из города вечером 7 октября 1918 г., многие квартиры, дома и магазины остались без хозяев и грабились, поэтому почти сразу же и был создан упомянутый подотдел. Во всяком случае, на заседании губоно уже 12 октября «первым обсуждался вопрос об охране культурных памятников и предметов старины»²⁹.

Организационное заседание нового подотдела состоялось 19 октября в 6 часов вечера в доме Революции (бывшем особняке Наумова) под председательством академика В.Н. Перетца. Секретарь - представитель губоно Н.С. Щербиновский. На первом заседании не только грамотно и оперативно были поставлены главные вопросы по спасению оставшихся без хозяев ценностей, но и был утвержден довольно большой состав

подотдела, который представлял собой «не только собрание экспертов, но и распорядительный орган, действующий по уполномочию губернского отдела народного образования»³⁰.

Одновременно был выбран президиум коллегии в следующем составе: председатель - академик В.Н. Перетц, товарищ (заместитель) председателя - зав. городским музеем Ф.Т. Яковлев, секретарь - представитель свободных ассоциаций наук М.В. Неуструева. В качестве экспертов были приглашены художники М.И. Степанов и В.В. Гундобин. В этот же день руководители губоно на своем совещании зафиксировали создание этого подотдела и утвердили выдачу аванса в сумме 1 000 рублей на необходимые расходы. Сохранившиеся протоколы первых заседаний подотдела охраны культурных ценностей повествуют о его напряженной и динамичной работе. Заседания проходили довольно часто: только в октябре - 19, 22, 24, 26 и 31-го числа. На первом же заседании, кроме чисто организационных, был решен вопрос и об осмотре экспертами Ушковского имения в с. Рождествено, расположенном напротив Самары - там осталась брошенной богатейшая библиотека.

На заседании президиума коллегии 22 октября рассматривались вопросы о конфискованных имуществах у лиц, арестованных по подозрению в контрреволюционных действиях. Был расширен исполнительский состав подотдела, определены размеры месячных окладов. Принято решение о вывозе из квартир адвокатов Самойлова и Елшина ценнейших библиотек и передаче их в университетскую библиотеку.

Члены президиума почти сразу же заявили о выявленных домах с оставленными в них библиотеками и коллекциями: «Поступили сведения о ценной стильной мебели, находящейся в квартире Алашеева на Саратовской ул. и о годных для музея нумизматических коллекций, о военном оружии в квартире Степанова на Дворянской ул. (сведения доставлены тов. Ф.Т. Яковлевым).

Председателем доложено, что им совместно с тов. Лев и Неуструевой осмотрен особняк Шумовой³¹ на Саратовской ул. в доме 146, где осталось всего несколько пустых книжных американских шкафов, сильно поврежденный рояль и небольшая портретная галерея, последняя по мнению академика Перетц представляет большой интерес в смысле характеристики быта, а потому постановлено: просить художников Гундобина и Степанова осмотреть картины в качестве экспертов.

Тов. Яковлев сообщил о фактах продажи краденных рукописных исторических книг, имеющих большую научную значимость, по этому поводу постановлено просить Губернский отдел народного образования войти в сношение с городской милицией и отдаением соответствующего приказа и связанных с ним мероприятий, помешать дальнейшему злоупотреблению в этой сфере.

Для работы подотдела просить Губернский отдел народного образования предоставить нижний этаж в доме, занимаемым подотделом.

Во избежание двойных затрат труда, энергии и материальных средств просить жилищный отдел Губернского отдела народного образования и Управление Советскими домами весь материал о культурном богатстве народа представлять в распоряжение коллегии подотдела»³².

А 26 октября заседания даже собирались дважды - сначала в 12 часов дня в помещении губоно, к тому времени занявшему большое двухэтажное кирпичное здание на улице Советской (Куйбышева), 55³³, а в 6 часов вечера президиум коллегии провел короткое заседание в помещении Самарского Университета³⁴. Был заслушан доклад секретаря Неуструевой о выделении аванса в 3 000 р. на перевозку «имущества, подлежащего ведению подотдела. 2 500 руб. из этих денег выдано под расписку помощнику секретаря Свестовскому и 500 руб. Товарищу Председателя Яковлеву, последнему с поручением вывезти подлежащие ведению подотдела материалы из особняка Алашеева и Шумовой, распределив соответственно вывозимое имущество между Музеем и отделом народного образования»³⁵.

31 октября было вынесено постановление о вывозе библиотеки Каменева, в которой находилось много книг по истории искусства. На этом же совещании были приняты на штатные должности в подотделе: Г.Н.Медведев - хранителем склада и Н.М.Смеловский - помощником регистратора. Состав подотдела увеличивался, так как выяснились новые обстоятельства, связанные с этой физически тяжелой работой: нужны были грузчики для перевозки мебели, роялей, книг и картин, а также машина для перевозки имущества, которую решено было просить в губоно. Определилось и место для хранения вывозимых ценностей - отдел народного образования выделил под склад часть своих помещений на первом этаже.

Очевидно, в начале ноября В.Н. Перетц отказался от должности председателя подотдела, требовавшей динамичных действий и крепкого здоровья, которым он не обладал. Да и работа в Университете требовала его постоянного пребывания там: лекции, командировки, экспедиции. Вместо него была избрана бывший секретарь подотдела Мария Васильевна Неуструева.

К сожалению, протоколов за следующие полгода работы подотдела в областном архиве не обнаружено. Создается впечатление, что заседания проводились и протоколировались только в тот период, когда его возглавлял В.Н. Перетц, т.е. до конца октября 1918 г. Видимо, М.В. Неуструева в силу постоянной занятости уже не проводила отдельных заседаний, а ограничивалась короткими докладами на совещаниях губоно. Их совсем немного, поэтому полный объем работы подотдела представить довольно трудно, а без сопроводительных списков выяс-

нить, что же конкретно и из каких домов было вывезено, просто невозможно.

Но все же короткие доклады и просьбы, рассматриваемые на заседаниях губоно с января по июнь 1919 г., показывают большую работу, проведенную членами подотдела охраны культурных ценностей. Суммарный результат их работы был опубликован только 1 раз:

«№ 13

Из доклада губоно о работе с 1917 (ноября) по 5 марта 1919 г. 8 марта 1919.

... Подотдел по охране культурных ценностей.

Возник в октябре в целях, указываемых названием. Произведена реквизиция в 120 квартирах из имущества бежавшей буржуазии. Зарегистрировано: 51 библиотека с 45527 томами, 2188 предметов искусства и 1626 тетрадей нот, имеется 25 незарегистрированных библиотек с 30 000 томами книг. Отпущено ученым, культурно-просветительным и военным организациям 23820 томов, предметы искусства переданы в музей и частично - для украшения клубов»³⁶.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Став членом Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания, он со всей активностью и энергией продолжал пополнять коллекции музея при СОАИЭиЕ. В 1919 г. вместе с М.Н. Тихомировым (1893-1965) выезжал в экспедиции по Иргизским монастырям. Впоследствии, вспоминая это время, Михаил Николаевич в свойственной ему ироничной манере написал о Яковлеве: «В своем прошлом Федор Тимофеевич был начальником какой-то железнодорожной станции. Одновременно он занимался, в порядке развлечения, археологическими и прочими делами. Человек это был не очень образованный, а в истории, попросту говоря, ничего не понимающий... Любопытен был даже внешний облик Федора Тимофеевича. Худой человек небольшого роста, он одевался в какой-то странный сюртук с развевающимися фалдами. На голове его торчал старомодный котелок, в котором он являл собою портрет провинциального франта нашего века с обязательными тенденциями нравиться дамам»³⁷.

О своей самарской жизни в последующие голодные 1920-е гг. Яковлев подробно рассказал в письме, адресованном К.П. Головкину в Иркутск (начало отсутствует): «и когда будут возвращены обратно, мне неизвестно. До окончательного моего пребывания в Музее все предметы находились в полном порядке и музей был открыт для публики во все дни, не исключая воскресных дней.

Что делается теперь в закрытом музее, я полагаю, никому ничего неизвестно, но душа моя прямо надрыгается, что любимое мое детище закрыто для народа.

Служу я в Штабе, получаю паек и работаю в нем не покладая сил.

В часы свободного досуга навещаю Общество, новый музей и собираю для него разного рода старинные предметы.

Живу я хотя крайне бедно, но не унывая занимаюсь археологией, веря в то, что труды мои не пропадут.

Меня весьма удивляет то, что я на посланные мои два письма не получил ответа; от тов. Карманова узнал, что Вы и вовсе не имеете от меня ни одного письма.

Как только получите мое настоящее письмо, то не откажите на него ответить, дабы я мог Вам написать другое.

В Пскове музей процветает и меня очень радует то, что Псковичи берегут старину, как зеницу ока. Я очень доволен тем, что хотя сыт, ибо получаю паек, и без пайка не знаю, как бы я существовал.

Жена моя страдает малярией, а о любимых детях мне ничего неизвестно и по всей вероятности, они убиты в бою.

Целую Вас, мой дорогой Константин Павлович и желаю всего лучшего.

Уважающий Вас Ф. Яковлев.

Самара, Уральская, 117 кв. 5.

Р.С. Еще раз свидетельствуя Вам мое искреннее почтение и обращаясь к Вам с искренней просьбой купить мне какие-либо нательные крестики и выслать мне таковые наложенным платежом; а то я давно не делал никаких пополнений за неимением сих любимых предметов в Самаре. Нельзя ли выслать фотографии, или рисунки с имеющихся у Вас в Музее нательных крестов, для работ по описанию таковых, за что буду благодарен. Помните, что кресты готовятся на пользу нашего музея.

Любящий Вас и всегда преданный Ф.Т. Яковлев.

24/IX – 1920 г.

г. Самара»³⁸.

В штабе Красной Армии он, судя по всему, за продуктовый паек выполнял самую разную, порой далеко не квалифицированную работу. Внучка так об этом вспоминает: «Был, значит, такой случай, что его вызвали мыть полы. Бабушка пошла с ним и говорит: «Федя, ну как ты будешь мыть полы - ты ведь тряпку держать не умеешь».

В упомянутом выше письме к Головкину Яковлев просил купить для него нательные крестики, которые он коллекционировал. Но это все уже отголоски былого. Он теперь вынужден работать исключительно ради заработка, для чего поступил на службу в губернский отдел народного образования. Уже давно Федор Тимофеевич чувствовал себя неважно - побаливало сердце, мучила одышка. Лечил его близкий друг и сосед Максим Максимович, который работал фельдшером в Зубча-ниновке. Но в 1933 г. его вызвали в Ташкент к заболевшей дочери. Вернувшись в Самару, он первым делом справился у Марии Федоров-

ны о здоровье Федора Тимофеевича. Узнав, что его уже нет в живых, попросил показать рецепты лекарств, которые ему выписывали. Внимательно их просмотрев, огорчился - он лечил его совершенно другими препаратами, и Яковлев чувствовал себя стабильно.

Мария Федоровна почти на 20 лет пережила мужа - она скончалась в конце 1950-х гг. Успела воспитать внучку и многое рассказать ей о себе, прежней жизни и особенно о деде Федоре Тимофеевиче, которого девочка едва помнила. Только благодаря этому из ее отрывочных воспоминаний и немногих сохранившихся документов удалось воссоздать образ человека, сделавшего значительный вклад в сохранение накопленного в Самаре культурного пласта в тяжелейший период революционных перемен и гражданской войны. Он же является автором уникального документа «Самарские коллекционеры, любители и почитатели местной старины», в котором дана ретроспекция собирательского дела в дореволюционной Самаре, а также перечислены все известные Яковлеву коллекционеры и «собиратели матерьялов по изучению Самарского края»³⁹. И в обоих списках Федор Тимофеевич упоминает свою фамилию.

Примечания:

1. Даты жизни Ф.Т. Яковлева опубликованы Т.В. Крайновой без указания источников.
2. ГАСО. Ф.518. Оп.1. Д.2. Л.8(об.).
3. Интервью с М.Б. Яковлевой. // Личный архив автора. Запись 1998 г.
4. Или Милосна - Муза Борисовна не уверена в точном названии станции. Но припоминает, что именно так ее называла бабушка, Мария Федоровна Яковлева.
5. ГАСО. Ф.518. Оп.1. Д.2. Л.5.
6. Архив Самарского областного историко-краеведческого музея им. Алабина (СОИКМ). Документы 1920-х гг. Протокол допроса бывших сотрудников Губмузея. Л. 42(об.).
7. Фамилию Киприана Семеновича М.Б. Яковлева не помнит.
8. Мжельская М.В. Алло, Александр Иванович. // Историко-культурная энциклопедия Самарского края (в 4-х томах). Персоналии А-Д. т. 1. Самара. 1993. С.50-51. Как вспоминает Муза Борисовна, в то время все называли его «Сашка Халло».
9. Лебедев В. «С днем рождения, джаз!» // Самара и губерния. Октябрь. № 5 (8). 2000. С.51.
10. ГАСО. Ф.3795. Оп.1. Д.2. Л.1.
11. Извозчиков Михаил Михайлович. Делопроизводитель канцелярии Управления Самаро-Златоустовской ж/д. Фотограф. Коллекционер. Сын обер-офицера запаса М. Извозчикова, который много лет состоял членом Казанской Архивной комиссии и был сотрудником Казанского музея.
12. Крайнова Т.В. Самарское археологическое общество (1916-1919). // Краеведческие записки. Выпуск VII. 1995. Самара. С.134-136.
13. ГАСО. Ф.518. О.1. Д.2. Л.5.

14. ГАСО. Ф.518. О.1. Д.2. Л.6.
15. ГАСО. Ф.518. О.1. Д.2. Л.8(об.).
16. Якушкин Павел Иванович (1822-1872), незаконнорожденный сын 70-летнего помещика с. Сабурово и 20-летней крепостной крестьянки. Двоюродный брат декабриста И.Д. Якушкина. Будучи студентом математического факультета Московского университета, Якушкин узнал, что на Орловщине поселился известный фольклорист П.В. Киреевский, бросил учебу и «ушел в народ» - стал собирать для него песни. Странствовал по России в крестьянской одежде, вступал в конфликты с полицией. Был арестован, год провел в сабуровской ссылке, затем был сослан на Волгу, в Красный Яр Астраханской губернии.
17. ГАСО. Ф.518. О.1. Д.2. Л.4.
18. ГАСО. Ф.3795. О.1. Д.2. Л.1.
19. Архив СХМ. Книга поступлений за 1917-1918 гг. Запись № 143.
20. Архив СОИКМ им. Алабина. Переписка с учеными, архивными комиссиями, археологическими обществами и частными лицами по вопросу комплектования. 30 мая 1889 г. - 12 октября 1916 г. ЛЛ. 12-52.
21. Архив СХМ. Книга поступлений 1917-18 гг. Неизвестный художник XIX в. «Старая Самара». Б., кар. 16х20. Инв. № Р-62.
22. Архив СОИКМ им. Алабина. Материалы по истории организации и деятельности музея с 1885 по 1955 гг.
23. Дарственная надпись на титульном листе.
24. Надпись гласит: «Андрей Нартов, действительный статский советник, государственной Берг-коллегии Вице-президент, Монетного департамента, разных ученых обществ член, и Королевского датского Ордена Данеброга кавалер».
25. Автор благодарит Бессонову Н.А. за предоставленную информацию о книгах Ф.Т. Яковлева, хранящихся в отделе редких книг Самарской областной библиотеки.
26. А.А. Смирнов (Треплев) в октябре 1918 г. Самарским отделением искусств был направлен в Москву, где являлся представителем Госконтроля в ТОО Наркомпроса и контролером худож. части московских театров. Вскоре вернулся в Самару, где жил до 1938 г. // Мартиновская А.И. Смирнов-Треплев Александр Александрович. /Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии М-См. 1995. Самара. С.365.
27. Архив СОИКМ. Материалы о работе Комитета по заведованию Городским музеем. Т.1. 1918-1920 гг. Л. 25.
28. ГАСО. Ф.Р-153. О.1. Д.345. Л.8.
29. ГАСО. Ф.Р-353. О.1. Д.4. Л.18.
30. Там же.
31. Шумова Александра Семеновна (1857/58-1918) — сестра купца I гильдии Л.С. Аржанова. По воспоминаниям племянницы, В.Л. Шихобаловой, была расстреляна в собственном доме ворвавшимися красноармейцами в октябре 1918 г.
32. Государственный архив социально-политической истории Самарской области (ГАСПИ). Ф.1. О.1. Д.29. Л.9.
33. Здание бывшего Русского Торгово-Промышленного банка, перестроенное архитектором А.У. Зеленко в 1900 г. В настоящее время в нем располагается тубдиспансер.

39. ГАСО. Ф.518. О.1. Д.7. Л.173-176.